

матеріи или дюжину стеклянных стаканов, употребленія которых туземцы совершенно не знали¹⁾.

Испанцы просто систематизировали предыдущую торговую практику и придали ей до обнаженности откровенную форму. В Америку ввозились бритвы—между тѣм как у туземцев не растут бороды,—стѣнные зеркала,—хотя у многих племен нѣтъ постоянных жилищ,—всевозможныя матеріи,—в то время как индѣйцы ходят почти голыми,—бархат и шелк,—несмотря на величайшую нужду в самой необходимой одеждѣ,—табакерки, сапоги, кружева, пуговицы, книги, оливковое масло, земледѣльческія орудія,—при полном отсутствіи земледѣлія,—и сотни всевозможных вещей, которыя были совершенно бесполезны для индѣйцев и не привлекали их даже по своему внѣшнему виду. Дѣло испанских торговцев было—просто доставить эти товары. Испанскія власти в Америкѣ (коррегидоры) производили продажу,—точнѣе говоря, принудительное распредѣленіе (*repartimientos*) товаров между туземцами. За старые сапоги они требовали и получали на 300 дукатов золота (т.-е. до 1.000 руб.), за мантию 1.000 дукатов, за 1 лошадь 4—5 тысяч дукатов и т. д. Из выручки львиная доля оставалась у коррегидоров, но и купцы получали вѣрный барыш в десятки и даже в сотни процентов²⁾.

III. Контрибуціи, дани и проч. Завоеватель здѣсь уже не так безучастно относится к размѣрам туземнаго производства, как в тѣх случаях, когда он просто грабит туземцев или отбирает у них сокровища в актах фивтивнаго обмѣна. Обложеніе данью или контрибуціей фактически представляет попытку принудить туземцев к длительному, постоянному расширенію производства. В этом смыслѣ оно является связую-

1) Принужденіе к обмѣну играет крупную роль и в современной колоніальной политикѣ, между прочим при „покупкѣ“ колоній. Так, солидное начало германским колоніям в юго-западной Африкѣ было положено бременским куном Людерицем (*Lüderitz*), который „приобрѣлъ“ у вождей готтентотских племен прибрежную полосу (южную часть так называемаго Дамаралэнда) шириной в 20 географических миль за 10.000 марок и за 60 ружей. Это—то самое приобретеніе, которое до послѣдняго времени приходилось защищать от мнимых продавцов, от гереро (их подавленіе стоило жизни болѣе 2.000 германских солдат и расходов болѣе 500 милл. марок и сократило гереро до четверти прежней численности, а другія готтентотскія племена—до половины; словом, все то же, что и в торгово-капиталистическую эпоху).

2) Крупную роль играла такая же „торговля“ священными книгами, четками и т. д., которая, разумѣется, оправдывалась заботами о загробной жизни индѣйцев. Что касается спиртных напитков, то здѣсь принудительное приобщеніе индѣйцев к культурѣ быстро смѣнилось внутренним, добровольным тяготѣніем к ней и до чрезвычайности ускорило разореніе и вымираніе цѣлых племен.

щим звеном между тѣми экстенсивными формами эксплуатаціи, о которых была рѣчь выше, и болѣе интенсивными формами, развитіе которых завершается непосредственным принужденіем к прибовочному труду (разработка рудников, плантаторское хозяйство). В нѣкоторых случаях контрибуціи имѣли эпизодическое значеніе, примѣнялись просто как грабительская уловка. Так, значительная часть сокровищ Перу была выманена как „выкуп“ за Атагуальпу, что не избавило его от обращенія в христіанство и от задушенія рукою испанцев. В других случаях дань принимала форму оброка продуктами и служила переходной ступенью к барщинному труду туземнаго населенія. Так было с эпохи крестовых походов в Левантѣ, гдѣ итальянскія колонизаторскія компаніи развились в прототип всѣх позднѣйших колонизаціонных компаній, так было на Молуккских островах, на Малаккѣ и в других мѣстах южной Азіи; так было в центральной Америкѣ. Наконец, система даней становится одним из постоянных устоев и в новѣйшем европейском управленіи такими колоніями, как Индостан или Египет.

Вот нѣкоторыя данныя, достаточно иллюстрирующія значеніе этого метода перемѣщенія богатств в Европу. Помѣстья, полученныя в Перу испанскими офицерами, приносили ежегодно по 150—200 тысяч песет. Фамилія Кортеса получила в качествѣ маркизства долину Оахака с населеніем в 18.000 душ, обложенным ежегодной данью в 60.000 дукатов: цифры, которыя дѣлают как нельзя болѣе ясным и простым конкистадорское мнимое „стремленіе к неизвѣстному“. Не менѣе прибыльно было и мирное управленіе колоніями. Так, губернаторы португальской колоніи Мозамбик, назначавшіеся на 3 года, выручали за это время до 30.000 крусадо (дукатов). Чиновники голландской ост-индской компаніи послѣ 3—4-лѣтней дѣятельности возвращались в Европу с состояніями, выразившимися в переводѣ на современныя деньги в сотнях тысяч рублей, ост-индскій губернатор Валькенир, занимавшій эту должность всего 4 года, привез до 5 милліонов гульденов (около 4 милл. рублей) и т. д.

Этот источник дохода настолько переплетался с другими, что отграниченіе его возможно лишь в исключительных случаях.

IV. Прямое принужденіе к производству. Піонерами в этой области были опять-таки итальянскіе торговые города, в первую очередь Венеція и Генуя. Неоплаченный труд левантскаго населенія сдѣлался главным источником их возвышенія. Средневѣковый Левант был не только промежуточной станціей в европейско-арабской торговлѣ, но и сам по развитію земледѣльческаго и промышленнаго производства занимал выдающееся положеніе. В окрестностях Триполи и Тира, на островах Кипрѣ, Критѣ и Хіосѣ в огромных для того времени количествах воздѣлывались виноград, лимоны, апельсины, хлѣбчатник, сахарный

тростник, индиго, марена, тутовое дерево, разводились шелковичные черви, добывались соль, квасцы. В Арменіи, в Антиохіи, Триполи и Тирѣ процвѣтала текстильная промышленность—на первом планѣ шелковая и хлопчато-бумажная ея отрасли,—гончарная и стеклодѣлательная, которыя во многих случаях уже к XIV вѣку переходили к мануфактурной организаціи.

Крушеніе арабскаго и византійскаго могущества сопровождалось переходом этих передовых по своему экономическому развитію областей в ленное владѣніе итальянских городов, итальянских торговых компаній и отдѣльных итальянских фамилій. Зависимое населеніе при первой возможности и при первом поводѣ от оброка продуктами переводилось на барщинный труд. Жестокая эксплуатація, оставляющая далеко позади режим „невѣрных“ арабов, вызывала попытки возстанія, которыя подавлялись с беспощадной суровостью, карались конфискаціей всего имущества бунтовщиков и передачей их самих венеціанским или генуэзским нобилям, т.-е. городскому патриціату. Производныя формы от феодальной эксплуатаціи примѣнялись не только в деревнѣ, гдѣ еще в эпоху арабов, византійцев и турок господствовали крѣпостническія отношенія, но и в промышленных центрах. Едва начавшееся изученіе этой стороны итальянской торговли заставляет думать, что здѣсь уже к XIV вѣку стали складываться такіе же методы использованія промышленнаго развитія, которые в XVIII—XIX вѣкѣ примѣнялись помѣщиками в Россіи. Промышленный оброк, промышленная барщина, цѣлыя мануфактуры, в которых рабочіе-крѣпостные работали на господ,—всѣ эти переходныя формы от феодальной к капиталистической эксплуатаціи были извѣстны Леванту.

Отношенія беспощадной борьбы, ареной которых было Средиземное море, исключали развитіе крѣпостнических отношеній как устойчивой, прочной системы хозяйства. Поэтому всѣ экономическія формы оказывались здѣсь переходными, кромѣ одной, и всѣ онѣ клонились в своем развитіи к этой единственной формѣ: к рабовладѣльческому хозяйству. Война была неистощимым источником для пополненія убыли невольников. Вданной исторической обстановкѣ наиболѣе совершенной системой была не та, которая до извѣстной степени обезпечивала самовоспроизводство зависимаго населенія, т.-е. не крѣпостническая система, а та, которая с величайшей энергіей потребляла зависимое населеніе, т.-е. рабовладѣльческая система. При господствѣ арабов ввозились бѣлые рабы, христіане. По завоеваніи Леванта христіанами мѣстное мусульманское населеніе обращается в рабство, а потом ввозятся новые цвѣтные невольники, мусульмане. В этом вся разниа, да еще, пожалуй, в том, что, соотвѣтственно болѣе высокому уровню развитія итальянскаго капитала по сравненію с арабским, христіанская неволя была несравненно суровѣе и быстрѣе опустошала Левант, чѣм магометанское рабство.

Тѣ мѣры экономической политики, которыя в крѣпостнических государствах представляют слабую попытку охраны крестьянства, в итальянских республиках совершенно естественно замѣняются мѣрами, направленными к охранѣ и увеличенію наличнаго контингента рабов: жестокими карами за побѣг, созданіем военного аппарата, предназначеннаго к подавленію возстаній, преміями за ввоз рабов, прямым правительственным ввозом рабов и плѣнников, обращаемых в невольничество. Паденіе итальянских республик несомнѣнно было ускорено тѣм обстоятельством, что к концу средних вѣков, особенно с появленія турок-османов, истощаются и закрываются расположенные по Средиземному морю резервуары, из которых итальянскіе рабовладѣльцы черпали свѣжій матеріал.

Методы итальянцев были усвоены их преемниками и продолжателями, в первую очередь португальцами. Они нашли примѣненіе на островѣ св. Оомы в Африкѣ, гдѣ уже в XV вѣкѣ встрѣчались сахарныя плантаціи с 150—300 подневольных рабочих, при собираніи гвоздики на Молуккских островах, корицы—на Цейлонѣ, при воздѣлываніи кофе и сахарнаго тростника на Явѣ, мускатнаго дерева—на островах Банда ¹⁾.

Но весь средневѣковый період исторически был просто подготовительной ступенью к тому быстрому расцвѣту торговаго капитала, который начал с новаго времени, и вся колонизаторская дѣятельность на островах и материкѣ Африки и Азіи—робкими предварительными опытами, элементарной школой перед той зрѣлой дѣятельностью, которая в новом, истинно капиталистическом масштабѣ развернулась только в Америкѣ.

Примитивный капитал Европы, появляясь в Америкѣ, и здѣсь примѣнял тѣ формы эксплоатаціи, которыя оставались господствующими на его родинѣ: производныя от феодальных форм. Уже при Колумбѣ цѣлыя области отдавались испанцам как энкоміенды, помѣстья, и уже при Колумбѣ

¹⁾ Около 1910 года на одном судебном процессѣ в Англіи было установлено, что при воздѣлываніи какао в Вест-Индіи и теперь в крупном масштабѣ примѣняется рабскій труд. Наивныя формы, которыя должны прикрывать работорговлю и ввоз рабов-негров,—а в дѣйствительности прикрывают только для лиц, заинтересованных в том, чтобы ничего не видѣть,—недалеко ушли от испанских приѣмов XVI вѣка, когда продавалась, напр., рубаха, надѣтая на индѣйца, а вмѣстѣ с ней переходил к покупателю и ея обладатель. Почти ничѣм не замаскированное рабство существует и в современной Мексикѣ. Капитал Соединенных Штатов, господствующій в Мексикѣ, извлекая чрезвычайные барыши из варварских форм эксплоатаціи, всѣми силами противоdѣйствовал революціонным движеніям, направленным против безсмысленнаго (с 1876 г.) мексиканскаго президента Порфіріо Діаса, и в то же время и слышать не хотѣлъ о присоединеніи Мексики к Соединенным Штатам: все это угрожало бы докапиталистическим методам эксплоатаціи.

владѣльцы этих энкоміенд, не ограничиваясь оброками, принуждали индѣйцев к тягостным барщинам: в теченіе 8—9 мѣсяцев в году индѣйцы должны были воздѣлывать поля или промывать золото на помѣщиков и только в остальные 4—3 мѣсяца выполнять все, необходимое для себя лично. Слѣдовательно, уже в первое десятилѣтіе по открытіи Америки отношеніе прибавочнаго времени к необходимому времени выражалось в $\frac{8}{4}$ или в $\frac{9}{3}$, т.-е. в 200 и даже в 300%. В дѣйствительности норма эксплуатаціи была еще выше, так как барщинный труд не избавлял от различных видов оброка.

Извѣстно то своеобразное сопротивленіе, которое встрѣтили в Америкѣ попытки европейцев повысить норму эксплуатаціи. Историки-моралисты, в сознаніи неизмѣримаго превосходства европейской культуры, до сих пор много говорят о той соціальной несправедливости, о том варварском порабощеніи населенія, которыя были базисом обществ в Перу и Мексикѣ. Практика показала, что все до-европейское варварство было недостаточно в качествѣ подготовительной школы к той культурѣ, которая шла к индѣйцам из Старога Свѣта,—к превращенію их в полных рабов европейцев. Помѣщик не получал здѣсь таких барышей, к каким приучили его операціи с европейскими, африканскими и азіатскими племенами, индѣец изнашивался на рабском трудѣ несравненно быстрѣе, чѣм в каком бы то ни было из рабовладѣльческих обществ древняго и средневѣковаго міра.

Слѣдовательно, та проблема, с которой встрѣтились европейцы в Америкѣ, была общей проблемой всѣх рабовладѣльческих обществ: проблемой пополненія и расширенія контингента рабов постоянным притоком извнѣ. Специфическія особенности индѣйских племен: непривычка к европейской дисциплинѣ принудительнаго труда, слабосиліе и т. п., не создавали, а просто обостряли американскій „рабочій вопрос“.

Выход был открыт во ввозѣ рабов-негров. Африканскій резервуар невольничества был найден к половинѣ XV вѣка, во время великих открытій португальцев. Уже к концу того же столѣтія он стал замѣнять в Старом Свѣтѣ тот источник рабов, каким в средніе вѣка служили разлагающіяся маврскія государства. Ввоз негров в Америку начался через два десятилѣтія по открытіи этого материка и направлялся главным образом на Антильскіе острова, гдѣ испанцы принялись за воздѣлываніе сахарнаго тростника. Уже в 1516 году ввоз рабов был воспрещен,—но только для того, чтобы испанскій король мог извлекать доходы из разрѣшеній на ввоз, которыя продавались по хорошей цѣнѣ—150—200 руб. на десяток рабов—и потом с надлежащей надбавкой перепродавались дѣйствительным работоторговцам. Чѣм шире распространялись плантаціи, тѣм быстрѣе расцвѣтала работоторговля. Как ни развивалась разработка золотых и серебряных рудников Америки, она отставала от роста плантацій.

Необыкновенно богатые естественные ресурсы одной части свѣта, рабочая сила из другой: европейскій торговый капитал, дѣйствительно, начиналъ подчинять себѣ весь земной шар.

* * *

Приведем нѣкоторые данныя для оцѣнки общихъ результатов колониальной дѣятельности торговаго капитала, т.-е. тѣхъ результатов, которые достигались совмѣстнымъ примѣненіемъ разнородныхъ методовъ: от примитивнаго грабежа до дѣйствительнаго обмѣна и от даней до самостоятельной разработки россыпей.

В Европѣ в XIV и XV вѣкахъ средняя ежегодная добыча золота, вмѣстѣ с ввозомъ из Африки,—главной страны, откуда европейцы получали этотъ металл,—не превышала 10 милліоновъ марокъ. В самой Европѣ ежегодная добыча золота, выражавшаяся в началѣ XIV вѣка в 5½ милліонахъ марокъ, с этого времени падаетъ, и къ концу XVIII вѣка опускается до 3 мил. марокъ. Европейскій, преимущественно португальскій вывозъ золота из Африки опредѣляется для XVI столѣтія в 7 мил. марокъ в годъ, для слѣдующаго—5½, и для XVIII—приблизительно в 5 милліоновъ. Такимъ образомъ уже африканскія колоніи доставляютъ торговому капиталу денежнаго матеріала много больше, чѣмъ вся Европа, родина этого капитала.

Американская добыча золота скоро превзошла всѣ страны Стараго Свѣта. В слѣдующей таблицѣ представлена (по Зѣтберу) общая добыча золота в Америкѣ и Европѣ:

1501—1520 г.	210 мил. мар.	1721—1740 г.	930 мил. мар.
1521—1550 "	330 " "	1741—1760 "	1.060 " "
1551—1600 "	670 " "	1761—1780 "	1.010 " "
1601—1700 "	1.520 " "	1781—1800 "	825 " " ¹⁾
1701—1720 "	480 " "		

¹⁾ Еще быстрѣе возрастала ежегодная добыча денежныхъ металловъ вообще, такъ какъ Америка в первое время доставляла главнымъ образомъ серебро. По Зѣтберу средняя ежегодная добыча золота и серебра составляла:

1501—1520 г.	25 милл. мар.	1661—1680 г.	86 милл. мар.
1521—1544 "	36 " "	1681—1700 "	92 " "
1545—1560 "	80 " "	1701—1720 "	100 " "
1561—1580 "	73 " "	1721—1740 "	131 " "
1581—1600 "	96 " "	1741—1760 "	165 " "
1601—1620 "	100 " "	1761—1780 "	175 " "
1621—1640 "	94 " "	1781—1800 "	208 " "
1641—1660 "	90 " "		

Для оцѣнки относительнаго значенія всѣхъ этихъ цифръ слѣдуетъ отмѣтить, что Россія, какъ страна, производящая золото, в разсматриваемую эпоху играла самую скромную роль. Уральская золотопромышленность возникла лишь в половинѣ XVIII вѣка, сибирская—в началѣ слѣдующаго.

Драгоценные металлы взяты здѣсь просто как один из колоніальных продуктов; хотя они, в особенности сначала, больше всего привлекали европейцев, но с теченіем времени соответственно увеличивалось извлеченіе из колоній и других продуктов: пряностей, сахара, потом хлопка и т. д.

Извлеченіе колоніальных продуктов было извлеченіем неоплаченного труда из туземцев и привозных рабов, не только прибавочнаго в точном значеніи этого слова, но и того, который был безусловно необходим для их собственнаго существованія. Немногія иллюстраціи покажут, с какой энергіей производилось оно.

Как бы безропотны и беззащитны ни были тѣ племена, к которым являлся торговый капитал из Европы, они быстро проникались такой ненавистью к пришельцам, что послѣдніе все время оставались буквально на осадном положеніи: сидѣли, запершись в крѣпостях, и выходили из них только днем, соединившись в сильные отряды. Болѣе воинственные племена истреблялись с хладнокровной жестокостью. Так, комитет семнадцати, завѣдывавшій дѣлами голландской ост-индской компаніи, в началѣ XVII вѣка приказал своему намѣстнику искоренить населеніе на островах Банда и заселить их болѣе покорными племенами. Через нѣсколько лѣтъ приказ был исполнен: уничтожено было до 15.000 туземцев. Истребительныя кампаніи постоянно предпринимались и против американских племен. Казни предводителей сдѣлались заурядным явленіем. Так, уже в первое десятилѣтіе по открытіи Америки намѣстник острова Гаити за 7 мѣсяцев приказал казнить 84 касика (главы индѣйских племен): крещеных повѣсить, некрещеных сжечь.

Грабеж, возведенный в систему, и принудительный труд дѣйствовали не так остро, как карательныя экспедиціи, но зато с величайшими постоянством, широтой и основательностью. Европейскій режим повсюду приводил к исчезновенію диких племен. Когда испанцы явились на Багамскіе острова, они нашли там плотное населеніе. Ко второй четверти XVII вѣка на этих островах не осталось ни одного туземца. В 1503 году испанцы впервые поселились на Ямаикѣ, к 1558 году всѣ туземцы здѣсь «вымерли». В Эспаньолѣ в 1508 году насчитывалось до 60.000 туземцев, в 1548 году сохранилось только 500. К этому же году исчезло туземное населеніе и на Кубѣ. В Перу через полвѣка по завоеваніи все еще оставалось до 1½ миллионов туземцев, к концу XVIII вѣка эта цифра сократилась до 600.000. То же было и в Азін. Так, Баньюаньи, одна из голландских провинцій на островѣ Явѣ, насчитывала в 1750 году болѣе 80.000 жителей-туземцев, а через 60 лѣтъ это число упало уже до 8.000.

Потребленіе привозных рабов не приводит к таким осязательным послѣдствіям и по понятным причинам труднѣе поддается учету, чѣм

примитивно-капиталистическое потребление туземного населения. Для средневековой эпохи торгового капитала точных данных вообще нет. Но все, что известно о средневековой торговле, показывает, что рабы представляли одну из важнейших торговых статей, и что, напр., для Киевской Руси это был один из главных предметов экспорта к арабам и в Византию. Походы кончались полоном, полон же переправлялся по Днѣпру к Черному морю, а оттуда продавался „невѣрным“ и „вѣрным“. Новгород и в этой области был продолжателем Приднѣпровья. Еще в 1375 году новгородские ушкуйники ограбили Кострому и Нижний-Новгород и всѣх плѣнных продали в Болгарію мусульманским купцам. Так как плѣнниками были здѣсь преимущественно женщины, то в данном случаѣ перед нами рабство для вѣнпроизводственных цѣлей. Широкое производственное значеніе имѣла работорговля для итальянцев. Но данных для ея количественной оцѣнки пока не имѣется.

При опредѣленіи общих размѣров работорговли в новое время, — слѣдовательно, при опредѣленіи прежде всего числа негров, потребленных в Америкѣ, — приходится руководствоваться болѣе или менѣе косвенными указаніями. Известно, напр., что в 1783—87 годах 400 судов, принадлежавших англичанам-работорговцам, транспортировали 109.540 негров, т.е. в среднем 27.000 в год. Приблизительно в то же время на французскіе Антильскіе острова ввозилось ежегодно по 30—35 тысяч рабов, и в бразильскія гавани в 1829—30 году было ввезено 78 тысяч голов. Транспорт из Африки в Америку совершался при неописуемых условіях. Трюм—пространство футов в 5 вышиною—раздѣлялся полатями на два яруса, по $2\frac{1}{2}$ фута вышины каждый. Сюда набивали попарно скованных невольников настолько тѣсными рядами, что было физически невозможно просунуть еще одного. При безконечно долгом переѣздѣ, при скудной и отвратительной пищѣ не менѣе половины груза—предполагают, что в среднем до $\frac{4}{7}$ груза,—умирало в пути. Слѣдовательно, чтобы получить цифры рабов, взятых из Африки, только-что приведенныя цифры американскаго ввоза надо увеличить болѣе чѣм в два раза.

Исходя из таких данных, различные изслѣдователи пытались опредѣлить общую цифру вывоза негров из Африки. Нѣкоторые из них полагают, что по путям христіанской работорговли ежегодно вывозилось до 400.000. Но и самые осторожные изслѣдователи, откидывающіе всѣ преувеличенныя оцѣнки, приходят к тому выводу, что в XVIII вѣкѣ из Африки вывозилось никак не менѣе 100.000 рабов ежегодно.

Если остановиться на этой минимальной цифрѣ и принять во вниманіе, что торговля неграми началась с половины XV вѣка, то получится вывод, что Африка дала в общей сложности не один десяток милліонов рабов.

В 30-х годах прошлаго столѣтія были приведены в извѣстность всѣ наличные вольноотпущенники и рабы во всѣх европейских колоніях. Их оказалось нѣсколько менѣе $2\frac{1}{2}$ милліонов¹⁾. Разница между этой скромной цифрой и многомилліонным вывозом из Африки дает нѣкоторое представленіе о хищнической энергіи колониальнаго капитала. На свой лад он осуществлял мечты средневѣковых алхимиков: производил золото из человѣческой крови.

В системѣ географическаго раздѣленія общественнаго труда, растущей по мѣрѣ развитія торговаго капитала, удѣлом Африки все больше становились производство и доставка рабов для европейскаго капитала. Африканскія области, съ наиболѣе благоприятными для экономическаго развитія естественными условіями, подвергались періодическому кровопусканію, которое уносило самыя цѣнныя рабочія силы; господствующія группы диких племен подвергались систематическому развращенію со стороны европейских работорговцев и превращались в их моральных рабов, которые всѣ свои силы направляли на расширеніе торговли гуртами своих подданных. Не только застой, но и явный упадок Африки был неизбежным послѣдствіем болѣе чѣм 3-вѣковой дѣятельности торговаго капитала.

К расточенію человѣческих жизней присоединялось не менѣе быстрое расточеніе сил природы во всѣх странах, которыя были подчинены европейскому капиталу. Сирія и Палестина,—области высокой земледѣльческой (садовой) культуры при господствѣ арабов,—под господством завоевателей-крестоносцев превратились в пустыню. Та же участь постигла при итальянцах болѣшую часть нѣкогда плодороднаго Кипра и другіе острова по Средиземному морю. В Вест-Индіи, в нѣкоторых частях Уругвая и Бразиліи хищническая культура сахарнаго тростника настолько истощила земли, что онѣ сдѣлались непригодными для воздѣлыванія. Повсюду, куда ни проникал капитал, он торопился снимать сливки, нисколько не думая о послѣдствіях. Голландская ост-индская компанія уже в XVII вѣкѣ окончила бы полным крахом: настолько быстро истощила она естественные ресурсы и разрѣдила зависимое населеніе в занятых ею областях. Для нея—как и вообще для европейскаго торговаго капитала—крах отерочивался только благодаря обширности земного шара, только в силу возможности переносить эксплоатацію в новыя страны съ еще незатронутыми ресурсами и съ населеніем, сохранившим примитивную силу.

¹⁾ На Антильскіе острова до конц. XVIII вѣка было ввезено, как предполагают, около 3 милл. негров; в наличности оставалось всего 680.000. Остаток был потреблен.

Феодальная собственность исторически послужила первоисточником капитала. Опустошенія, производимыя в Европѣ крѣпостической системой хозяйства, дали опору для его ускореннаго развитія. Безпощадное расточеніе человѣческихъ жизней, превращеніе в пустыни цѣлыхъ материковъ доставило евронеѣскому капиталу тѣ соки, при помощи которыхъ онъ созрѣлъ въ грандіозную міровую силу, опирающуюся на весь земной шар, на всѣ населяющіе его народы, какъ на свой пьедесталъ.

5. Цѣны и прибыль в эпоху торговаго капитала.—Револүція цѣнъ.

Образованіе цѣнъ в торгово-капиталистическую эпоху является отраженіемъ внѣ-производственного положенія капитала, его чисто внѣшняго отношенія къ тѣмъ хозяйственнымъ системамъ, которыя обслуживаются имъ, разнородности тѣхъ экономическихъ укладовъ, изъ которыхъ одинъ съ появленіемъ торговаго капитала развивается в области обмѣна, а другой медленно отмираетъ в области производства. Эта разнородность—гетерогенность—есть в основныхъ чертахъ разнородность феодализма и капитализма: системы, которую интересуетъ в первую очередь производство и присвоеніе потребительныхъ стоимостей, и системы, которая стремится на первомъ планѣ къ увеличенію стоимостей, къ накопленію.

В типической формѣ дѣятельность торговаго капитала выступаетъ в тѣхъ случаяхъ, когда его функціи наиболѣе приближаются къ чисто посредническимъ. Здѣсь онъ экономически связываетъ два общества, политически независимыхъ и другъ отъ друга, и отъ купцовъ. Слѣдовательно, онъ оказываетъ на нихъ исключительно экономическое давленіе, вытекающее изъ полезности и необходимости его функцій для господствующихъ группъ в томъ и другомъ обществѣ. Если не осуществленіе такихъ отношеній, то извѣстное приближеніе къ нимъ представляетъ торговля итальянцевъ в тотъ ранній періодъ, когда имъ еще противостояла Византія и сильныя арабскія государства. Аналогичныя отношенія в соотвѣтствующій періодъ ганзейской и голландской торговли обычно затушевываются тѣмъ обстоятельствомъ, что одна изъ обслуживаемыхъ этой торговлей сторонъ—итальянцы, испанцы—не сама производитъ продаваемые ею товары, а в огромной степени просто отнимаетъ ихъ у колониальнаго населенія.

В случаяхъ этого рода торговый капиталъ является посредникомъ между обществами, которыя в основѣ сохраняютъ феодальный, натурально-хозяйственный строй, и для которыхъ продажа части продуктовъ по ихъ стоимости имѣетъ второстепенное значеніе. Прибавочный трудъ, извлеченный изъ зависимаго населенія в опредѣленной потребительной формѣ, превышаетъ потребности феодала,—и пріѣзжій купецъ освобождаетъ его отъ этихъ избытковъ. С другой стороны, если за продукты, ненужные, избыточные в данный моментъ, предлагаются предметы, которые могутъ продлить жизнь

(лѣчебныя вещества) или повысить и расширить наслажденія феодала (предметы роскоши), то стремленіе обладать этими предметами выдвигается на первый план; а в каких именно пропорціях осуществляется обмѣн,— это уже не имѣет такого существеннаго значенія ¹⁾.

Еще одно обстоятельство—может быть, наиболѣе важное,—дѣйствовало в том же направленіи. По мѣрѣ того, как обмѣн охватывает феодальное общество, в послѣднем складываются такія отношенія, при которых прибавочный продукт „ничего не стоит“ в производственном смыслѣ его присвоителю. Феодал превращается в простого получателя ренты, производственный процесс идет без каких бы то ни было трудовых затрат с его стороны, мирно, и даже военно-организаторскія функціи сваливаются им на министріалов, чиновников и другія новыя профессиональныя группы. Производственный процесс не требует также и каких бы то ни было матеріальных затрат с его стороны, так как эти затраты теперь производятся частью за счет развивающагося государства, частью прямо силами и за средства зависимаго населенія. Прибавочный продукт, притекающій к феодалу, представляет совершенно безвозмездный дар его привилегій. У помѣщика, отрѣшающагося от производственнаго процесса, нѣтъ ни побужденій, ни возможности хотя бы приблизительно установить трудовую стоимость присвояемаго продукта (или издержки его производства). На этой почвѣ возникает и развивается одна отрицательная способность, которая с теченіем времени превращается в специфическосо словную характеристику экономическаго существа феодала (или его продолжателей): полное неумѣнье считать, а потом и сословное презрѣніе к точным экономическим расчетам.

Все это приводит к одному результату: пріѣзжій купец становится господином положенія, он может диктовать цѣны.

Из этого слѣдует, что для истолкованія экономических отношеній, как складывались они при господствѣ торговаго капитала, монополія не дает достаточнаго об'ясненія. Когда контрагентом торговца является мелко-буржуазный производитель или рабочій, которые вынуждены с величайшей расчетливостью расходовать стоимости, остающіяся на их долю послѣ длительной затраты труда, тогда образованію монопольных цѣн ставится извѣстный предѣлъ, за которым слѣдует быстрое вымираніе

¹⁾ Поскольку крестьянин продает избытки потребительнаго хозяйства, по отношенію к нему всѣ эти соображенія сохраняют свою силу. Самостоятельный крестьянин, лишь слабо, эпизодически связывающійся с рынком, продает, вообще говоря, „дешевле“, чѣм, напр., капиталистическій фермер. Так об'ясняется между прочим то явленіе, что во всякой странѣ, по мѣрѣ того, как ее пронизывают мѣновыя отношенія, начинается болѣе или менѣе быстрое повышеніе цѣн. Это обстоятельство сыграло нѣкоторую роль и в „революціи цѣн“ XVI вѣка.

крестьян и ремесленников. Таким образом монополии могут собирать здѣсь обильную жатву не из году в год, не из поколѣнія в поколѣніе, а лишь при довольно исключительных обстоятельствах, повторяющихся через значительные промежутки времени. Так оно и было в рассматриваемую эпоху. На хлѣботорговлю капитал набрасывался в неурожайные годы. Хотя монополисты находили тогда в голодающих массах такой обильный источник обогащенія, который мог бы поспорить с рудниками Потози,— однако не здѣсь лежала сфера обычной, повседневной дѣятельности торговаго капитала, не здѣсь он мог создать постоянныя монополии ¹⁾.

Итак, виѣ-производственное положеніе феодала, существованіе котораго становится все болѣе ненужным, излишним и, наконец, вредным для производственного процесса, виѣ-производственный характер его доходов и потребленія с самаго начала давали купцу возможность диктовать мѣновыя пропорціи. Позднѣйшія „искусственныя“ монополии стремились просто закрѣпить это „естественное“ положеніе, вытекавшее из взаимоотношеній феодальнаго потребителя с одной стороны и накапливающаго капиталиста—с другой. Восточнаго феодала нисколько не интересовало, что производство, напр., 1 тонны гвоздики, которую покупал у него европеец, стоило его подданным в среднем 1.000 часов труда, и что производство 1 куска фландрскаго сукна, которое предлагал ему за гвоздику купец, обошлось, вмѣстѣ с издержками транспорта, в 400 часов труда. Гвоздика ему не нужна, сукно он, напротив, хочет приобрѣсти,— и потому он не оказывал серьезнаго сопротивленія требованіям купца. Мѣновой акт приобрѣтал для него такой вид: 1 тонна гвоздики=1 куску сукна, или 1.000 часов труда=400 часов труда. Слѣдовательно, из той тысячи часов прибавочнаго труда, которую присвоил восточный феодал в видѣ одной тонны гвоздики, у него удерживалось всего 400 часов в

¹⁾ Насколько прибыльна была хлѣбная торговля, монополизировавшаяся в надлежащіе моменты нѣкоторыми сюзеренами (напр., императором Фридрихом II Гогенштауфеном по Средиземному морю) и купцами (напр., ганзейскими по Балтійскому морю), об этом можно судить по слѣдующим данным. Цѣна хлѣба в XIV—XV вѣкѣ в сосѣдніе годы повышалась с 40 до 80 гульденов и даже с 2 до 50 шиллингов за ласт. Ганзейскіе купцы, покупая хлѣб в Данцигѣ по 36 марок, в Лондонѣ сбывали его по 70 марок. Гроссмейстер тевтонскаго ордена, скупив рожь в Данцигѣ по 5 марок, здѣсь же сбывал ее англичанам и французам по 12 марок, т.-е. с прибылью в 140%. Неудивительно, что в Европѣ XIII—XIV вѣка ни один неурожай не проходил без того, чтобы людоедство не дѣлалось заурядным явленіем. И так же неудивительно, при чрезвычайной прибыльности хлѣбной торговли, что в эпоху обостренной борьбы с магометанами их „смертельныя враги“,—не только христіанскіе купцы, но и христіанскіе сюзерены,—употребляли всевозможныя усилія для того, чтобы арабы не оставались без хлѣба.

видѣ того сукна, в которое мѣновым актом превратилась гвоздика. Остальные 600 часов сдѣлались собственностью купца и увеличили его товарный капитал, представлявшій раньше 400 часов труда (1 кусок сукна), до размѣра в 1.000 часов труда (1 тонна гвоздики). Торговая прибыль от этого оборота выразилась для купца в 600 на 400, или в 150%. Его товарный капитал увеличился в $2\frac{1}{2}$ раза: 600 часов ренты восточнаго феодала превратились в торговую прибыль европейскаго купца, присоединившуюся к его прежнему капиталу, к 400 часам.

Возвратившись в Европу, купец находил здѣсь такія же экономическія отношенія, — и повторял торговыя сдѣлки, экономически не отличающіяся от азіатских. Если мы для упрощенія оставим в сторонѣ издержки транспорта, то его европейскія операціи примут такой схематическій вид: во Фландріи он покупает у мѣстнаго феодала 1 кусок сукна и оплачивает его $\frac{1}{5}$ тонны гвоздики. Для него получается сдѣлка: $\frac{1}{5}$ тонны гвоздики = 1 куску сукна, т.-е. 200 часов труда = 400 труда. Для феодала: 1 кусок сукна = $\frac{1}{5}$ тонны гвоздики, или 400 часов труда = 200 труда. 400 часов ренты, извлеченной фландрским феодалом, превратились в товарный капитал, при чем одни 200 часов представляют лишь новую форму (сукно), в которой теперь существует прежній товарный капитал купца (200 часов в гвоздикѣ), а другіе 200 часов являются чистым приращеніем, торговой прибылью в 200 на 200 часов, т.-е. в 100%.

Дѣло нисколько не измѣняется, если мы предположим, что прямого обмѣна товарами не происходит, что он совершается при помощи денег: купец продает в Азіи сукно за деньги, на эти деньги покупает гвоздику, везет ее в Европу, продает здѣсь за деньги и т. д. Если мы предположим, напр., что в рудниках 1 час труда в среднем дает 1 золотник серебра, равный 1 франку, то во всѣх предыдущих расчетах надо будет только подставить франки вмѣсто часов, — и все остальное сохранится в прежнем видѣ.

Не измѣнится дѣло и в том случаѣ, если вмѣсто одного торговаго посредника между Востоком и Западом мы предположим цѣлый ряд посредников, связанных между собою как звенья одной цѣпи. Вся разниа будет в том, что торговая прибыль, которая в нашем примѣрѣ достается одному купцу, распределится между нѣсколькими посредниками¹⁾.

¹⁾ Отношенія обмѣниваемых стоимостей, взятыя в текстѣ, как будет видно из приводимых ниже данных, преувеличенно благоприятны для феодала. Тонну гвоздики, равную 1.000 часам труда его подданных, он уступал в дѣйствительности не за 400 часов европейскаго труда, а за предмет, стоящій много меньше, — быть может, всего 100 часов труда. Первый покупатель перепродавал гвоздику слѣдующему, допустим, за 300, тот перепродавал третьему за 400 и т. д. В таком случаѣ перед

Идя по новому пути, мы опять подошли к прежней общей характеристикѣ торгово-капиталистической эпохи: капитал здѣсь еще не создал самостоятельных методов извлеченія прибавочной стоимости из работников. Он оперировал с тѣм прибавочным продуктом и перераспредѣлял тот прибавочный продукт, который уже был извлечен старыми, докапиталистическими способами эксплуатаціи, в первую очередь феодальным. Главныя массы товарнаго капитала, обращающіяся в разсматриваемую эпоху, особенно в ея ранній період, представляли до своего превращенія в этот капитал ренту, феодальную форму дохода.

Разсмотрѣнныя сейчас отношенія были дѣйствительно типичными для торгово-капиталистической эпохи. Основныя черты их сохранялись в тѣх случаях, когда купец не был только торговым посредником,—когда он подчинялъ себѣ колоніальное населеніе и принимал непосредственное участіе в выжиманіи из него прибавочнаго труда. В этих случаях он был просто преемником колоніальных сеньеров или составлялъ дополнительную ступень в іерархіи колоніальных сеньеров. Он соединялъ в своем лицѣ одновременно купца и сеньера. Колоніальный продукт доставался ему так же дешево—почти без всяких издержек, простым нажимом эксплуататорскаго винта,—как и восточному или европейскому феодалу. Или, по меньшей мѣрѣ, непосредственно трудовыя затраты и денежныя издержки, которыя требовались от купца для присвоенія чужого продукта, не шли ни в какое сравненіе с той затратой труда, в какую продукт обошелся производителям.

Кѣм и в какой мѣрѣ реализовалась та стоимость, которая заключалась в колоніальном продуктѣ, присвоенном таким купцом-колонизатором,—это в конечном счетѣ опредѣлялось уровнем экономического развитія метрополіи, степенью экономической зрѣлости ея колоніальной

нами был бы длительный процесс реализаціи той стоимости, которая присвоена в формѣ гвоздики восточным феодалом: каждый новый посредник реализовал бы из нея новую сотню часов. Реализація заканчивается с послѣдней, окончательной продажей гвоздики потребителю. Точно так же движеніе сукна на Восток через цѣль посредников будет постепенной реализаціей стоимости, которую фландрскій феодал извлек в видѣ сукна. Характерное подтвержденіе правильности тѣх объясненій высокой торговой прибыли, которыя даны здѣсь, представляет слѣдующее явленіе. При торговлѣ промышленными продуктами Фландріи, Англіи и т. д. купцы выручали значительно меньшую прибыль, чѣм при торговлѣ деревенскими, земледѣльческими продуктами. Так, в XIV вѣкѣ на вывозѣ англійской шерсти они зарабатывали 75—90%, на вывозѣ сукна—10—30%. Сукно было продуктом промышленности, сбросившей с себя феодальную зависимость; шерсть, поступавшая в торговлю, доставлялась вассальными крестьянами сеньерам разных ступеней, включительно до англійскаго короля, крупнѣйшаго шерстоторговца

буржуазіи. Так, в испанском авантюристѣ перевѣс над купцом брал сеньер с его неохотой и неумѣньем считать,—и крупная доля стоимостей, извлекаемых из колоній, несомнѣнно, переходила к нидерландским, нѣмецким и англійским купцам (и ростовщикам). Напротив, голландская, а впоследствии англійская буржуазія умѣла удерживать у себя львиную долю колоніальной добычи,—умѣла накапливать, увеличивать свои капиталы. В связи с этим крушеніе колоніальнаго могущества Испаніи было ея всесторонним экономическим упадком; напротив, голландская буржуазія—как итальянская в концѣ средних вѣков—по уtratѣ колоній на долгое время сохранила видное положеніе в качествѣ міровой финансовой силы (торговля деньгами).

Вот нѣкоторыя цифры для характеристики прибылей, выручавшихся в оборотах колоніальной торговли. В 1521 году была снаряжена первая португальская экспедиція на Молуккскіе острова. Здѣсь она „закупила“ гвоздику по $\frac{2}{3}$ дуката, а, возвратившись в Европу, продала ее по 336 дукатов. Всѣ издержки экспедиціи составили 22.000 дукатов, выручка от нея—150.000 дукатов, прибыль—130.000 дукатов, т.е. близко к 600%. В началѣ XVII вѣка на тѣх же островах голландцы „покупали“ гвоздику в среднем по 180 гульденов за 625 амстердамских фунтов, а продавали ее в Нидерландах по 1.200 гульденов. То же и с перцем. На Явѣ он приобретался по $2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ стювера за фунт (на Суматрѣ по 4—6 пфеннигов), продавался в Голландіи не дешевле 20 стюверов, т.е. в 8—10 раз дороже (суматрскій—в 50—80 раз). То же было и с другими пряностями, с сахаром, с чаем, появившимся в Европѣ с 1610 года, и т. д. Наивысшими—в 200—500 и больше процентов—оказывались прибыли в тѣх случаях, когда европейцы вполне подчиняли себѣ страну производства колоніальных продуктов. Когда же им приходилось имѣть дѣло с такой страной, как Китай, не утратившій политической самостоятельности, барыши от отдѣльных оборотов опускались до 100—75%. Причины тому двоякаго рода. Во-первых, азіатская эксплуатація по беспощадной жестокости не достигала уровня европейской эксплуатаціи: в общественных отношеніях здѣсь еще сохранялась нѣкоторая патріархальность, да и сеньерам приходилось соблюдать извѣстную осторожность и бережность по отношенію к подданным, которые жили бок-о-бок. Во-вторых, европейскій купец получал здѣсь только часть той прибавочной стоимости, которая извлекалась азіатскими феодалами из зависимаго населенія.

Большія прибыли выручали и тѣ посредники, которые связывали колонизатора с окончательным покупателем. Это видно из слѣдующей таблицы. Первый столбец в ней означает цѣны, по которым обходились нѣмецким

купцам XIV—XV столѣтія товары при покупкѣ в Венеціи (покупная цѣна плюс расходы по перевозкѣ и проч.), второй столбец—продажная цѣна в Брюгге, и третій—прибыль в процентном отношеніи к покупной цѣнѣ.

Перец $5\frac{1}{4}$ — $8\frac{1}{2}$	9— $16\frac{1}{2}$	70—100
Гвоздика 11— $12\frac{1}{2}$	23— $25\frac{1}{2}$	100
Мускатный орѣх 6— $13\frac{1}{2}$	13— $23\frac{1}{2}$	75—115
Кардамон 6	15—45	165—650
Шафран 32—46	63—99	100—115
Цытварный корень 6	$13\frac{1}{2}$ —30	125—400 ¹⁾ .

Работорговыя доставляла такія же высокія прибыли: не ниже 50% от каждаго оборота, по большей части 150—200%. Дѣло это было настолько доходное и коммерчески-надежное, что Англія важнѣйшим из своих

¹⁾ Эти отношенія типичны для торгово-капиталистической эпохи и в том смыслѣ, что пряности (и благовонныя вещества) составляли одну из видных статей колониальной добычи (и колониальнаго производства), уступавшую по притягательности вѣроятно только благородным металлам. Даже в XVII—XVIII вѣкѣ между европейскими державами ведутся жестокія колониальныя войны из-за обладанія странами производства пряностей. В Лиссабон уже в началѣ XVI вѣка ввозилось до 7.000 тонн пряностей ежегодно, в том же столѣтіи в Португалію ввозилось из Ост-Индіи ежегодно до 2.000 тонн одного только перца. Относительное значеніе этих цифр будет ясно, если упомянуть, что вывоз шерсти из Англіи, главной поставщицы этого продукта в средніе вѣка, к началу XIV столѣтія не превышал $3\frac{1}{2}$ тысяч тонн в год. Огромный спрос на пряности и проч. бросает яркій свѣтъ на бытовую сторону торгово-капиталистической эпохи. Во-первых, вопреки ходячим представленіям, в старину люди, по сравненію с современной заботѣваемостью соответствующих социальных категорій, болѣли никак не меньше, чѣм теперь (нераціональное устройство жилищ, отопленія и проч.). Нервные и психическія расстройства, зачастую массоваго характера,—особенно в эпохи ломки феодальных отношеній,—были тоже заурядным явленіем. Многіе колониальные продукты—даже сахар, кофе, чай—первоначально ввозились преимущественно как медикаменты. Во-вторых, искусство сохранять и консервировать съѣстные припасы стояло на очень низкой ступени развитія. На чрезвычайных пиршествах поѣдалось мясо свѣже-убитаго скота,—в обыденное время приходилось питаться испорченным мясом, совершенно несъѣдобным без острых приправ.—В-третьих, внѣшняя роскошь мирилась с поражающей грязью и неопрятностью. Даже в XVII вѣкѣ шелковые, шитые золотом камзолы великолѣпных французских маркизов зачастую прикрывали бѣлье, не смѣнявшееся цѣлыми мѣсяцами, под роскошными напудренными париками скрывались кучи паразитов, пудра накладывалась на лицо, неомывавшееся недѣлями, и т. д. Для дворянина, который хотѣлъ вращаться в свѣтском обществѣ, всевозможныя искусственныя благовонія были не роскошью, а предметом самой первой необходимости.

приобрѣтений по утрехтскому миру (1713 г.) считала предоставленное ей право ввозить негров в испанскія колоніи.

Несмотря на повышеніе первоначальныхъ покупныхъ цѣнъ работорговцами, плантаторы, окончательные потребители негров, дѣлали не менѣе блестящіе обороты. Так, на рубежѣ XVIII и XIX вѣка чистый барыш, доставляемый однимъ рабомъ в теченіе года, опредѣлялся: на сахарныхъ и кофейныхъ плантаціяхъ 30 фун. стерлинговъ (т.-е. около 300 руб.), при воздѣлываніи хлопчатника 25 ф. ст., риса 20 ф. ст., табаку и хлѣба 15 ф. ст. При существовавшихъ тогда среднихъ цѣнахъ на рабов, рабъ в два года окупалъ всѣ издержки по его приобретению. Средняя ежегодная прибыль отъ плантаторскаго хозяйства по самымъ осторожнымъ, сильно преуменьшеннымъ оцѣнкамъ составляла около 25%.

* * *

Прибыль отъ одного торговаго оборота не даетъ еще представленія объ уровнѣ чистой годовой прибыли, объ энергіи возрастанія капитала, о быстротѣ его накопленія. Здѣсь приобретаютъ существенное значеніе первоначальная величина капитала, среднее число оборотовъ въ году, способъ распредѣленія общей прибыли между участниками торговаго предпріятія, издержки торговли.

Все, что извѣстно объ отношеніяхъ торгово-капиталистической эпохи, заставляетъ проводить рѣшительное различіе между двумя основными группами дѣятелей торговли. Одна изъ нихъ начинаетъ функціонировать въ сферѣ обмѣна, обладая состояніями скромной величины. Она обслуживаетъ преимущественно внутреннюю торговлю. Члены этой группы по размѣрамъ своихъ оборотовъ—розничные торговцы. По общему складу своей дѣятельности они не отличаются отъ ремесленниковъ въ сферѣ промышленности. Они обычно выступаютъ организованными въ особыя профессиональныя корпораціи,—въ такъ называемыя гильдіи, во всѣхъ отношеніяхъ аналогичны ремесленнымъ цехамъ. Типичная схема оборотовъ этихъ торговцевъ такова: въ городѣ А покупаются мѣстные товары на 50 руб. Таможенные пошлины, издержки транспорта, существованіе самого торговца при перевозкѣ товаровъ въ городѣ В, гдѣ они продаются за 75 руб., составляютъ 25 руб. Слѣдовательно, хотя каждый оборотъ приноситъ 50%, торговецъ, подобно ремесленнику, работаетъ изъ-за одного прокормленія. Его состояніе не накапливается, оно не является капиталомъ въ строгомъ значеніи этого слова: оно служитъ такому торговцу не столько средствомъ присвоивать чужой трудъ, сколько средствомъ цѣлесообразно затрачивать свой собственный трудъ.

Такой же характеръ носила и морская торговля, поскольку она,—напр., вывозъ шерсти изъ средневѣковой Англіи,—организовалась на пае-

вых началах, при чем каждый пайщик участвовал в общем предпріятіи отчасти своим маленьким состояніем, но больше всего—своим личным трудом. Часто организація таких предпріятій была смѣшанная; тогда львиная доля доходов от экспедиціи доставалась капиталисту, который, не участвуя в дѣлѣ личным трудом, участвовал своим капиталом. Мелкіе торговцы ремесленного типа работали здѣсь почти из-за одного пропитанія.

Конечно, исключительная удача переносила нѣкоторых представителей этой группы в слѣдующую, которая вела свои обороты в болѣе или менѣе крупном масштабѣ. Можно думать, что в эпохи, когда старыя экономическія отношенія рушились, а новыя еще не установились, когда значеніе личной инициативы и предпріимчивости еще не отступило на второй план перед значеніем крупнаго капитала, случаи такой удачи, такого накопленія капиталов „из ничего“ были несравненно многочисленнѣе, чѣм в позднѣйшее время¹⁾.

Тѣм не менѣе остается безспорным, что торговля пріобрѣла капиталистическій характер прежде всего у другой группы торговцев, которая обращалась к ней с крупными состояніями. Исторія этой группы есть исторія развитія сенъеріальных элементов из случайных, эпизодических купцов в постоянных профессионалов-купцов. Эта торговля—оптовая по преимуществу, арена ея дѣятельности главным образом—широкое море, в Новое время—океан и заокеаническія колоніи. Это—аристократія торговаго класса, вліятельнѣйшая общественная сила, которая умѣла подчинять себѣ государственный аппарат, возводить и низвергать императоров и королей. Это—основное ядро, около котораго впослѣдствіи откristаллизовывалось так называемое „третье сословіе“, идущее на смѣну двум господствующим сословіям средневѣковья—феодалам и духовенству.

Опредѣленіе дѣйствительнаго уровня торговой прибыли, извлекавшейся членами этой группы представляет величайшія трудности. Стремленіе преуменьшать ея размѣры, относить значительную долю ея—напр., личные расходы участников предпріятія—на статью торговых расходов, погашенія и проч., играло еще болѣшую роль, чѣм в настоящее время, когда высоко-доходныя предпріятія иногда фигурируют в отчетах как бездоходныя или даже дефицитныя. К этому присоединялась неразвитость бухгалтеріи: послѣдняя не только должна была запутывать посторонних,

¹⁾ Это явленіе еще в первой половинѣ XIX вѣка наблюдалось в Россіи,—в сферѣ промышленности, в эпоху перехода ея к крупно-капиталистическим формам. Зомбарт, усиленно настаивая на невозможности развитія капиталистических купцов из торговцев ремесленного типа, несомнѣнно упустил из виду особое значеніе переходных эпох, Штридериу—в названной раньше книгѣ—удалось показать, что такіе случаи были очень нерѣдки.

как в некоторых современных предприятиях, но снотывала и обманывала самого владѣльца. Притом крупная доля торговой прибыли утекала на сторону. Напр., в Новое время торговые дома были вынуждены уступать львиную долю своей добычи—не менѣ $\frac{1}{5}$, обычно болѣ половины—суверенам, владѣльцам заморских колоній.

Таким образом тѣ цифры прибыли, которыя дошли до нас, слѣдует разсматривать как минимальныя цифры, как остатки, получавшіеся послѣ всѣх возможных и невозможных вычетов. Для крупных торговых домов даже эти сведенныя к низшему уровню цифры были не малы. Так, для крупнѣйших итальянских фирм первой половины XIV вѣка онѣ опредѣляются в 10—20%, и приблизительно в такую же величину—для южно-германских торговых домов XV—XVI вѣка.

Любопытный свѣтъ на отношенія в позднѣйшій період торгово-капиталистической эпохи и на их эволюцію бросает исторія торговых прибылей ост-индских компаній, голландской и англійской. Для первой из них груз каждаго флота, прибывавшаго из Ост-Индіи, приносил в XVII вѣкѣ чистую прибыль от 100 до 250%, во второй половинѣ XVIII вѣка—от 40 до 150%. Издержки „управленія“ колоніями: содержаніе чиновников, устройство крѣпостей, наем и продовольствіе солдат и матросов из Европы ¹⁾, подкупы вліятельных лиц поглощали огромную долю прибылей, выручавшихся от торговых операцій. По мѣрѣ того, как разрастался аппарат управленія, из простого исполнительнаго механизма он развивался в самостоятельную силу, которая вырывалась из-под контроля компаніи и проникалась самодовлѣющей жизнью. Началась и с угрожающей быстротой стала расти „утечка“ прибылей компаніи по незримым каналам. Чиновники за спиною компаніи и под охраной ея флота и арміи развивали всевозможныя торговыя операціи за свой собственный счет. Некоторым показателем их успѣшности могут служить слѣдующія цифры. Агенты компаніи с одного только острова Явы перевели в Нидерланды денег на свой счет: в 1705 году 274.000 гульденов, в 1746 году уже 1.210.000 гульденов и в 1764 году 1.334.000 гульденов (гульден—около 80 коп.).

Слѣдовательно, дивиденды, уплачивавшіеся компаніей, представляли только небольшой, а впослѣдствіи и ничтожный остаток из тѣх торговых прибылей, которыя извлекались компаніей и под ея ферулой в Индіи.

¹⁾ Отправленные в колоніи солдаты в огромном количествѣ там и погибали. В 1700—1719 гг. было послано в Индію 106.000 человек, в 1747—1767 гг. 162.000, в 1767—1780 гг. 107.000 человек. С 1700 по 1780 гг. компанія потеряла в Индіи болѣе 400.000 человек. Она превращала в свои дивиденды кровь не только индусов и островитян, но и кровь европейцев, главным образом нѣмцев (которых компанія нанимала у нѣмецких князей).

Самый крупный дивиденд, 75%, получили акционеры в началѣ дѣятельности компаніи. Потом он падает и составляет в среднем выводѣ для XVII столѣтія около 20% ежегодно, только в исключительные годы поднимаясь выше 30—35%. Стремительное пониженіе прибылей началось в XVIII вѣкѣ. Уже в 1730 году цифра расходов за все время существованія компаніи на 7½ миллионов гульденов превысила цифру ея доходов за то же время. Тѣм не менѣе компанія продолжала уплачивать акционерам ежегодно в среднем по 17% дивиденда. Этот эффект достигался бухгалтерскими приемами и, при полном отсутствіи прибылей, производился за счет капитала компаніи. Полное банкротство нѣкоторое время отсрочивалось крупными займами, которые опять-таки поглощались издержками управленія и уплатою фиктивных прибылей. Но это давало лишь временную отсрочку,—и в 1798 году все имущество и владѣнія компаніи перешли к Голландіи. Голландія же взяла на себя и всѣ ея обязательства, т.-е. расплату за ея грабительское хозяйство, которое обогащало главных воротил компаніи.

Было бы наивно утверждать, как дѣлают нѣкоторые историки, будто все хозяйничанье компаніи представляло в общем итогѣ сплошной минус, сплошной дефицит. Оно дѣйствительно оказалось таким для тѣх сотен рядовых акционеров, которые отдали компаніи свои мелкіе и средніе капиталы. Но эти капиталы исчезли безслѣдно только для них. Крупная их доля перешла к чиновникам компаніи, к политическим дѣльцам, к поставщикам компаніи, к членам комитета семнадцати, которые умѣли захватывать львиную долю колоніальной добычи и в то же время приманкой этой добычи привлекать к себѣ европейскіе капиталы. Банкротство компаніи не было их банкротством. Оно служило только симптомом, что они достигли всего, чего могли достигнуть такими и методами накопленія, построенными на откровенном разграбленіи колоній и на экспроприаціи второстепенных капиталистов-соотечественников.

Англійская ост-индская компанія, поглотившая самостоятельныя товарищества купцов, оперировавших в Индіи, повторила исторію голландской компаніи. В концѣ XVII вѣка она только еще добивалась монопольнаго положенія в Индіи, и угрозы лишить ее привилегій служили министрам и членам парламента надежным средством для того, чтобы получать свою долю от прибылей ея предпріятій. До 1688 года она затрачивала на подкупы вліятельных лиц в среднем до 1.200 фунтов стерлингов ежегодно (1 фунт стер.—около 10 руб.), а с 1693 года эта цифра повысилась уже до 80.000 ф. стер. Из этой суммы на долю короля Вильгельма III, импортированнаго из буржуазной Голландіи, пришлось 10.000 ф. стер. Десятки тысяч затрачивались ежегодно и на подкуп индійских князьков. Сотни тысяч поглощались безконечными

войнами в колоніях, содержаніем сильных гарнизонов в „замирешных“ частях, огромной арміей чиновников. И послѣдствія были тѣ же, какъ для Голландіи. Прибыли, достигавшія в первые годы 100 и даже 150%, быстро понизились и смѣнились со второй половины XVIII вѣка убытками; ихъ долго удавалось замаскировывать займами подъ предлогомъ упроченія и расширенія дѣла, государственными субсидіями и т. д. Все это отсрочило окончательную ликвидацію дѣла компаніи до 1834 года ¹⁾.

Методы европейскаго хозяйничанья в колоніяхъ, и прежде всего способ извлеченія изъ нихъ благородныхъ металловъ быстро отразились на состояніи цѣнъ в Старомъ Свѣтѣ: цѣны повсюду повысились, или, другими словами, покупательная сила денежнаго матеріала упала. Размѣры и темпъ этого пониженія покупательной силы денегъ видны изъ слѣдующей таблицы (данныя относятся къ Эльзасу).

Періоды.	Количество хлѣба.	Количество средств существованія вообще.
1871—75	100	100
1501—20	716	668
1521—44	539	548
1545—60	411	453
1561—80	245	323
1581—1600	193	284
1601—20	227	278
1681—1700	208	230
1761—80	219	250
1781—1800	165	184

¹⁾ Разумѣется, и здѣсь банкротство компаніи не было банкротствомъ ея воротилъ. Для нихъ компанія дала средство захватить значительную долю колоніальныхъ богатствъ и централизовать в своихъ рукахъ разбѣянные у соотечественниковъ состоянія. Точная оцѣнка этихъ общихъ результатовъ торгово-капиталистической эпохи невозможна, здѣсь приходится опираться на болѣе или менѣе субъективные показанія современниковъ. Но и они представляютъ нѣкоторый интересъ. В половинѣ XIV столѣтія, когда Ганза еще монополизировала англійскую торговлю, в Англій насчитывалось немногимъ болѣе 150 состоятельныхъ купцовъ, которые могли бы оказать королю денежную помощь. В XVI вѣкѣ общая цифра англійскихъ купцовъ, занимающихся морской торговлей, опредѣляется еще в 3.000. В концѣ XVII вѣка членовъ ост-индской компаніи насчитывалось 550, но большая доля ея прибылей доставалась 40 лицамъ (не считая, конечно, чиновниковъ компаніи: нѣкоторые изъ нихъ, отправившись в колоніи бѣдняками, возвращались черезъ 2—3 десятка лѣтъ с капиталами, дававшими ежегодный доходъ до $\frac{1}{2}$ милліона рублей на наши деньги). В половинѣ XVIII вѣка Юмъ полагалъ, что болѣе 80% воей морской торговли Англій сосредоточивается в рукахъ какихъ-нибудь 200 крупнѣйшихъ лондонскихъ купцовъ.

Способ составленія этой таблицы таков. Тѣ количества хлѣба, кото-
рыя можно было купить в 71—75 годах XIX вѣка на определенное
вѣсовое количество золота (или серебра), принимаются за 100. Если это
будет, напр., 100 фунтов, то окажется, что в 1501—20 годах за такое
же количество денежнаго матеріала можно было купить 716 фун., в
1521—44 гг.—539 фун., а в 1581—1600 гг. уже всего 193 ф.: покупа-
тельная сила денег, остававшаяся почти неизмѣнной или даже повышав-
шаяся вплоть до XV вѣка, в одно XVI столѣтіе упала почти в 4 раза,
или, другими словами, цѣна хлѣба во столько же раз повысилась. Третій
вертикальный ряд таблицы отличается от предыдущаго только тѣм, что
здѣсь взяты количества не одного хлѣба, а суммы различных средств
существованія—хлѣба, мяса, сукна и т. д.,—входящих сюда в измѣняю-
щихся количествах, но в неизмѣнных пропорціях.

Приведем еще нѣкоторыя данныя для ближайшаго выясненія этого
явленія, которое по справедливости называется „революціей цѣн“. В
различных частях Франціи хлѣб вздорожал в теченіе двух столѣтій с
начала XVI вѣка на 250—500%. Цѣна желѣза повысилась в Англіи до
конца XVI вѣка на 80%, цѣна желѣзных издѣлій—на 12%. Шерсть за
тот же промежуток времени вздорожала в Англіи на 38%, сукно всего
на 6%; во Франціи среднія цѣны шерсти в 1576—1600 годах превышали
их средній уровень для 1451—1500 гг. на 86%, цѣны же сукна—
всего на 29%.

Из этого слѣдует, что революція цѣн распространилась на про-
мышленныя издѣлія в меньшей степени, чѣм на сельскохозяйственные
продукты вообще и на тот сырой матеріал в частности, из котораго
производятся промышленные продукты.

Еще слабѣе повышение цѣн коснулось колоніальных продуктов.
Оно наблюдалось лишь до конца XVI вѣка, с этого же времени смѣни-
лось обратным движеніем. К концу XVII столѣтія цѣны различных
пряностей лишь на 10—30% превышали уровень цѣн в началѣ XVI
столѣтія. В XVIII вѣкѣ началось быстрое пониженіе цѣн, которое скоро
сдѣлало колоніальные продукты доступными сравнительно широким слоям
населенія.

Всѣ эти уклоненія от общаго движенія цѣн в XVI—XVIII вѣках
совершенно понятны. Бóльшая часть причин, которыя, с расширеніем
колоніальнаго хозяйства европейцев, приводили къ пониженію стоимости
благородных металлов (к пониженію их покупательной силы), отражалась
и на мѣншей стоимости колоніальных продуктов. С другой стороны,
добравшись до самых мѣст производства, монопольныя компаніи встрѣ-
тили поразительное изобиліе этих продуктов и оказались безсильными
полностью использовать свое монопольное положеніе. Тщетны были всѣ

мѣры, которыя предпринимали онѣ: истребленіе значительной части сбора гвоздики, корицы и проч., полное искорененіе на нѣкоторых островахъ всѣхъ пріятныхъ деревьевъ и т. д. ¹⁾). На Европу хлынула растущая волна колониальныхъ товаровъ. Контрабанда довершила крушеніе монополій. Относительно слабое повышеніе, а потомъ и пониженіе цѣнъ было здѣсь симптомомъ того, что монополизмъ цѣны средневѣковой торговли уступаютъ мѣсто цѣнамъ, складывающимся при свободной конкуренціи.

Повышеніе цѣнъ промышленныхъ издѣлій съ конца XVI вѣка несомнѣнно тормозилось увеличеніемъ производительности труда въ сферѣ промышленности: начинало оказывать свое дѣйствіе мануфактурное раздѣленіе труда. Но для всего XVI вѣка, когда цѣны продуктовъ промышленности повышались особенно медленно по сравненію съ общимъ движеніемъ цѣнъ, это объясненіе недостаточно. Здѣсь должны были дѣйствовать другія причины. Ихъ нетрудно открыть, если вспомнить тѣ измѣненія, которыя совершаются въ области ремесленно-организованнаго производства на исходѣ среднихъ вѣковъ. Замедленный темпъ повышенія цѣнъ на промышленныя издѣлія, — слѣдовательно, относительное пониженіе этихъ цѣнъ, — является симптомомъ того, что ремесленникъ утрачиваетъ на рынкѣ свое монопольное положеніе и лишается возможности диктовать цѣны: ремесло въ сферѣ промышленности перестаетъ быть господствующей формой хозяйства.

Что касается общаго явленія, всеобщаго повышенія цѣнъ, то историкъ, а также и нѣкоторые экономисты, до сихъ поръ довольствуются самымъ банальнымъ его объясненіемъ. Всѣ предлагающіеся на рынкѣ товары, говорятъ они, продаются за деньги, находящіеся на томъ же рынкѣ. Чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ ниже товарныя цѣны. Чѣмъ больше поступаетъ денегъ на рынокъ, тѣмъ быстрѣе повышаются товарныя цѣны. Въ Новое время на рынокъ выбрасывается растущая масса благородныхъ металловъ, и всѣ цѣны увеличиваются за одно столѣтіе на 400—500%.

Несостоятельность такихъ объясненій очевидна. Колебанія рыночнаго спроса и предложенія могли бы объяснить лишь временное, краткосрочное измѣненіе цѣнъ. Если бы причины всеобщаго повышенія цѣнъ были таковы, какъ утверждаетъ это объясненіе, революція цѣнъ означала бы, что благородныхъ металловъ производится слишкомъ много, что наступило ихъ перепроизводство, что производство ихъ стало убыточнымъ по сравненію съ другими отраслями производства. Тогда было бы необъяснимой загадкой, почему золото-и сереброискатели не забрасываютъ своихъ отраслей производства и не обращаются къ другимъ сферамъ,

¹⁾ Голландская ост-индская компанія съ такой энергіей проводила эти мѣры на Молуккскихъ островахъ, что потомъ ей же пришлось прибѣгнуть къ неустойчивой посадкѣ деревьевъ.

спрос на продукты которых так постоянно растет; почему на Европу движется поток благородных металлов, растущий из столѣтія в столѣтіе, и почему цѣны, стремительно повысившись в XVI вѣкѣ, в особенности в первые шесть десятилѣтій этого вѣка, продолжают, хотя и замедленным темпом, увеличиваться и в XVII, и в XVIII, и даже в XIX вѣкѣ (см. таблицу, гдѣ за 100 — наименьшую цифру — приняты цѣны 1871—75 гг.).

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы может быть только один. Пусть первоначальный толчок революціи цѣн дало рѣзкое повышение предложенія благородных металлов. Закрѣпить повышение цѣн, превратить его в длительную тенденцію их движенія могли только перемѣны в условіях производства (или добыванія) благородных металлов: такіа перемѣны которыя уменьшали не только их мѣстовую стоимость, как говорит о том теорія спроса и предложенія (так называемая „количественная теорія денег“), но понижали и их стоимость, т.-е. количество труда, которае требуется на добываніе опредѣленной вѣсовой единицы золота или серебра.

Так оно и было в дѣйствительности. С начала XV вѣка португальцы добрались до богатых африканских мѣсторожденій благородных металлов, и с того же времени в Европѣ началось повышение цѣн. Но всѣ африканскія мѣсторожденія были оставлены далеко позади американскими, разработка которых началась в XVI вѣкѣ. Здѣсь европейцы открыли пріиски, замѣчательные или по относительному содержанію благородных металлов, или по своей мощности. И в том, и в другом случаѣ труд по добыванію благородных металлов до чрезвычайности сокращался. Уже в началѣ XIX вѣка А. Гумбольдтъ отмѣтил, что в одном из рудников Мексики для добыванія извѣстнаго количества серебра требовалось в одиннадцать раз меньше горнорабочих, чѣм в Гиммельсфюрстѣ, богатѣйшем рудникѣ Саксоніи. В том же направленіи дѣйствовало усовершенствованіе методов извлеченія металлов из россыпей и руд. Очень крупное значеніе имѣло, напр., открытое в половинѣ XVI вѣка амальгамированіе (обработка серебряных руд посредством ртути, замѣнявшая выплавку), которое облегчает или только и дѣлает возможным добываніе серебра в бѣдных топливом мѣстностях. Позже развитіе машинной техники позволило разрабатывать рудники, недоступные при всем богатствѣ их содержанія для средневѣковых золотоискателей. Словом, с Новаго времени начинается тот прогресс в методах добыванія благородных металлов, который привел к тому, что, напр., уже к концу XVIII вѣка разработка россыпей считалась выгодной, если онѣ давали золота до $\frac{2}{3}$ золотника на 100 пудов песку¹⁾.

1) К половинѣ XIX вѣка это минимальное количество золота понижается до $\frac{1}{3}$ золотника. Новѣйшія изобрѣтенія общають свести его к сотым долям золотника.

Таким образом открытіе доступа к богатым мѣсторожденіям и техническія усовершенствованія совмѣстно дѣйствовали в том направленіи, чтобы понижать стоимость благородных металлов, уменьшать их покупательную силу, вызывать всеобщее пониженіе цѣн. Так как цѣны вообще перестраиваются сравнительно медленно и лишь через значительные промежутки времени приходят в соотвѣтствіе с измѣняющейся стоимостью денег, то можно предполагать нѣчто, прямо обратное количественной теоріи денег: исходя при покупках из существующаго уровня цѣн, соотвѣтствующаго старой, высокой стоимости денег, золото- и сереброискатели скорѣе выигрывали, чѣм проигрывали от быстрого развитія производства этих металлов. Да иначе и трудно было бы объяснить, почему притягательная сила этих отраслей производства не только не уменьшалась, но все болѣе возрастала¹⁾.

Однако было еще обстоятельство, которое чрезвычайно быстро понижало мѣновую стоимость благородных металлов. Благодаря ему на долю возрастающей производительности горнаго дѣла оставалось только закрѣпленіе повышающихся цѣн и превращеніе их из временнаго, случайнаго явленія в длительную тенденцію экономическаго развитія. В період первоначальнаго расширенія колоній и их экстенсивнаго использованія европейцами благородные металлы не производились европейцами, а добывались, отбирались тѣм способом, который представляет величайшее родство с грабежом. Размѣры добычи здѣсь не стоят ни в каком соотвѣтствіи с трудовыми затратами или с денежными издержками колонизатора и вообще во много раз превышают добычу дѣйствительнаго золотоискателя. Конкистадор-неудачник погибал, — конкистадору-удачнику груды золота и серебра доставались даром, почти „ничего не стоили“. С другой стороны слѣдует вспомнить, что в инициаторѣ великих открытій над типом купца, работающаго для накопленія, с самаго начала брал перевѣс тип сеньера, для котораго в центрѣ всѣх интересов стоит потребленіе. С деньгами, которыя доставались ему так дешево, он и разставался с большой легкостью. Потребленіе колонизаторов этой эпохи характеризуется всѣми чертами празднаго, незаработаннаго потребленія в самом рѣшительном значеніи этих слов. „Бѣшенныя“ деньги расшвыривались внѣ всякаго соотвѣтствія с дѣйствительной стоимостью приобрѣтаемых предметов. Развивалась та

¹⁾ Новая революція цѣн, — новое быстрое их повышеніе, — судя по многим признакам, началась во втором пятилѣтіи XX вѣка. Та возрастающая дороговизна, которая свела почти на-нѣтъ повышенія денежной заработной платы, достигнутыя в Россіи в 1905—6 годах, представляет міровое явленіе. Повидимому, оно вытекает между прочим из пониженія стоимости драгоцѣнных металлов (особенно золота), вызваннаго открытіем богатѣйших пріисков и усовершенствованіем методов их разработки.

праздная расточительность, та безтрудова роскошь, слабое представленіе о которых дает потребленіе милліонов, которые „зарабатывались“ в дореволюціонной Россіи при полученіи желѣзнодорожных концессій, при постройкѣ Дальняго и укрѣпленій Порт-Артура, при усиленіи флота, при сдачѣ военных заказов, при операціях с продовольственным хлѣбом и в особенности при обслуживаніи нужд послѣдней войны.

При том огромном значеніи, которое имѣли для сравнительно маленькой Европы колоссальныя богатства, награбленныя во всѣх частях свѣта, острый характер революціи цѣн, начавшейся в XVI вѣкѣ, не требует дальнѣйших объясненій.

II. Торговля деньгами. Развѣтіе бумажных денег.

I. Предпосылки развѣтія ростовщическаго капитала. Его мѣсто и роль в экономической исторіи.

Необходимой предпосылкой для развѣтія ростовщических операцій в широком масштабѣ является довольно высокая ступень в развѣтіи торговли товарами. Пока послѣдняя носит характер так называемой мѣнковой торговли—непосредственнаго обмѣна продуктами,—арена для дѣятельности ростовщика остается болѣе или менѣе узкой. Та помощь, которая оказывалась сеньером зависимому крестьянству при неурожаях и других стихійных бѣдствіях, превращалась в основу для ростовщических операцій лишь по мѣрѣ того, как расширялась возможность превратить полученныя с крестьянства продукты в предметы квалицированнаго потребленія, т.-е. по мѣрѣ того, как мѣнковыя отношенія развивались.

Однако, пока ростовщическія операціи сохраняли тѣсную связь с удовлетвореніем непосредственных потребностей ростовщика, пока онѣ носили такой своеобразно-натуральный характер, их размах не мог быть очень широким. Онѣ суживались необходимостью болѣе или менѣе быстро реализовать тѣ продукты, которые получены от заемщиков; онѣ ограничивались невозможностью быстро достать именно тѣ предметы потребленія, которые требуются ростовщику. Словом, их развѣтіе на каждом шагѣ тормозилось случайностью и эпизодичностью мѣнковых отношеній.

Всѣ эти ограниченія отпадают по мѣрѣ того, как с ростом мѣнковых отношеній развиваются деньги: всеобщее мѣрило стоимости, всеобщее покупательное средство, всеобщая форма богатства. Дѣятельность ростовщика постепенно порывает всякую связь с его непосредственными потребностями: порывает и в том смыслѣ, что деньги могут служить

удовлетворенію не какой-либо одной конкретной потребности, а всяких потребностей, какія ни появились бы у него в болѣе или менѣе отдаленном будущем; и в том смыслѣ, что именно по этой причинѣ потребность в деньгах количественно безгранична, между тѣм как всякій другой предмет потребления за извѣстной границей становится бесполезным, в особенности если он принадлежит к числу скоропортящихся продуктов. С развитіем денег, особенно металлических денег, богатство приобрѣло такую форму, в которой его можно накапливать до безконечности; в то же время, так как деньги развиваются в мощную общественную силу, — потому что на них „все можно купить“, — возникает и побужденіе к безконечному их накопленію. Вся дѣятельность и всѣ расчеты ростовщика приобрѣтают небывало прозрачный характер. Это — человек, который оперирует деньгами для того, чтобы накапливать деньги. Это — человек, у котораго „деньги рождаются деньгами“. Всѣ человѣческія потребности у него атрофируются и поглощаются потребностью в деньгах. Он, по народным представленіям, совпадающим с наиболѣе чистым типом ростовщика, существует не для себя, а для денег.

Но такой чистый тип ростовщика представляет лишь окончательный продукт длиннаго процесса историческаго развитія. Как торговец — именно крупный купец — лишь с большой постепенностью отдифференцировался от сеньора, так и торговля деньгами, ростовщическія операціи, только в ходѣ развитія обособились от функцій купца, от торговли товарами. Мы уже видѣли, что рост обмѣна сопровождался превращеніем сеньера в эмбриональнаго купца, которому феодальная эксплуатація служила первичной основой для развитія торговой дѣятельности. Теперь к этому необходимо добавить, что в этой торговой дѣятельности первоначально объединялись тѣ функціи, которыя впослѣдствіи сдѣлались раздѣльными функціями двух различных профессиональных групп: торговцев товарами и торговцев деньгами.

Ссуды деньгами предполагают уже очень высокую ступень в развитіи мѣновых отношеній. Даже в эпохи, когда непосредственный обмѣн („мѣновая торговля“) отходит в прошлое, господствующей формой ссуд еще долго оставалась ссуда продуктами. Конечно, в связи с развитіем денег, общій характер ея измѣнялся. Но измѣненіе выражалось главным образом в том, что всѣ акты получали денежную оцѣнку: на деньги расцѣнивались ссужаемые продукты, деньгами измѣнялись обязательства должника. Ссуда производится здѣсь не денежным капиталистом, — который еще не выдѣлился в качествѣ особой экономической группы, — а тѣм лицом, у котораго по временам сосредотачиваются большія количества продуктов, превышающія его личныя потребности в этих продуктах. Ясно, что таким лицом может быть либо

сеньер, для котораго эти избытки потенциально являются товарами, либо купец, который с самаго начала видит в этих продуктах товары. Известно, какую огромную роль сыграли ростовщическія операціи русских бояр и монастырей в развитіи крѣпостнических отношеній. И ссуды эти давались сѣменами и предметами живого и мертвaго инвентаря.

Ссуда продуктами только в одном отношеніи отличается от мѣнового акта, от простой торговой сдѣлки. Здѣсь мѣновой акт как бы прерывается, или, точнѣе, одна его часть отдѣляется во времени от другой. В получает от А известную стоимость, но не тут же отдает ему эквивалент, как при обычной торговой сдѣлкѣ, а через известный, заранѣе договоренный промежуток времени. Если мы представим себѣ, что ссуду оказывает купец (или мелкій торговец) обычными предметами своей торговли, то излишек стоимости, выручаемый им по истеченіи срока, будет по своему экономическому характеру так же двойственен, как двойственно экономическое существо этого купца, как двойственны функціи его капитала. Ростовщическій капитал здѣсь еще не отдѣлился от торговаго, процент, ростовщическая прибыль сливается с торговой прибылью, ростовщик не отдифференцировался от купца.

Если при заключеніи сдѣлки стороны договорились, что ссуда, хотя бы она была оказана товарами, должна быть возвращена деньгами, то эти деньги, когда наступает срок расплаты, функционируют уже не в качествѣ покупательнаго средства, как при простой торговой сдѣлкѣ, а в качествѣ средства платежа (или платежнаго средства). Таким образом функція денег, как платежнаго средства, есть лишь дальнѣйшее развитіе их функционированія в качествѣ покупательнаго средства. Выступают онѣ не как покупательное, а как платежное средство только потому, что двѣ части одного и того же мѣнового акта отдѣляются одна от другой известным промежутком времени.

Пока деньги функционируют только как воображаемые деньги, только как идеальное мѣрило при исчисленіи стоимости ссужаемых и подлежащих возврату продуктов или просто как довольно обычное средство платежа за ссуды продуктами, отдѣленіе ростовщическаго капитала от торговли остается неполным и незавершенным¹⁾. Оно приобретает за-

¹⁾ Таким оно было, напр., судя по историческим памятникам в родѣ „Русской Правды“, в кievской Руси. Здѣсь необходимо еще раз подчеркнуть, что о „капиталѣ“, торговом или ростовщическом, по отношенію к кievской Руси можно говорить лишь в очень условном значеніи слова. Купец и ростовщик еще не обособились от сеньера, — торговая и ростовщическая эксплоатація от феодальной, — эмбриональный капитал еще неясно отграничивался от феодальной собственности. Об этом смѣшеніи разнородных форм говорит почти каждое положеніе „Русской Правды“.